

**РОМАН А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
В ПЕРЕВОДЕ ФЕРНАНДО ГАББРИЕЛЛИ:
К ПРОБЛЕМАМ ПЕРЕВОДА**

Проблемы перевода романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» исследовали М. П. Алексеева [1], Ю. Д. Левина [2], К. И. Чуковского [7, с. 323], В. И. Нейштадт [3]. Одни исследователи остановились на общем восприятии перевода романа в мировой литературоведческой мысли, другие занимались сравнительным анализом, где интерес представляли переводы на английский, французский, немецкий языки. Проблеме перевода романа А. С. Пушкина на итальянский язык посвящены работы Н. А. Тик [5; 6], которые в большей мере основываются на переводческих материалах итальянского слависта Этторе Ло Гатто, как единственного автора и поэтического и прозаического переводов. «Евгений Онегин» в переводе Фернандо Габбриелли представляет особый интерес, так как является первым и пока единственным поэтическим переводом на итальянский язык нынешнего столетия.

Габбриелли предвзвешивает свой перевод вступлением. Такая форма перевода романа не является новой (вступительные статьи уже писали переводчики Э. Ло Гатто, Дж. Джудичи, Э. Баццарелли), однако Фернандо Габбриелли истолковывает свой труд соответственно задаче – переосмысление перевода, превращение его из средства самовыражения в средство воссоздания на своем языке произведения иностранной литературы, стремясь к максимальной точности во всем. Об этом Фернандо Габбриелли размышлял в своей статье «Tradisci o traduci» (Предательство или перевод), опубликованной в 2004 году в журнале «Il compagno segreto» [9].

Вступительная статья Габбриелли также представлена в виде размышлений автора, где объясняется важность передачи романа на итальянский язык стихотворным, а не прозаическим переводом: Габбриелли называет роман А. С. Пушкина «драгоценным камнем», «чудом» [8], но эти сравнения, по версии автора, «не вызовут те эмоции, которые рождают звук и ритм стиха, не передающиеся ни через один прозаический перевод» [8].

Для того чтобы передать всю значимость поэтического варианта перевода, примечательно, что Фернандо Габбриелли выбирает слова Татьяны Онегину и прописывает их русское звучание латиницей: «No ja drugomu ttdana; / Ja budu vik emu verna (Но я другому отдана; / Я буду век ему верна)» [8], для предоставления возможности каждому, не знающему русского языка, прочитать и прочувствовать «ритм» [8] и «звук» [8] стиха. В своей интерпретации перевода Габбриелли напишет: «V'amo, non lo negher, / Ma m'han data a un altro, e sempre, / Io fedele a lui sart» [8]. Перевод весьма близок к тексту оригинала, лишь пушкинское слово «век», заменяется на итальянский вариант «sempre (всегда)». И здесь обнаруживается неточность: слова «век» и «всегда» при всей своей схожести понимания все-таки могут нести разное смысловое значение. Пушкинский «век» отражает то, что чувство долга и клятва верности призывают Татьяну к служению мужу на всю отведенную жизнь («век»); значение слова «всегда» ближе к понятию «вечность». Слово «sempre» крепче выражает «духовную» верность Татьяны Онегину, а не ее мужу.

Нельзя не заметить, что и в прозаическом примерном варианте Габбриелли вновь предлагает слово «sempre»: «Ma sono stata data a un altro, e gli sart per sempre Fedele (Но я отдана другому, и буду всегда ему верна)» [8]. При всем стремлении Фернандо Габбриелли к точности перевода, невозможно быть абсолютно точным в силу языковых и культурных особенностей. Автор понимает это: вариант слова «век» – «secolo» в данном контексте не корректен

для итальянского языка. Возможно употребление слова «*secolo*» в словосочетании *sarm fadele nei secoli dei secoli* (*буду верна во веки веков*) – эту фразу произносят во время обряда венчания. Но, во-первых, такой вариант нарушил бы ритмические особенности стиха и рифму, и, во-вторых, – речь Татьяны, подлежащая переводу, реализуется не в момент венчания: слова посвящены Онегину. Фернандо Габбриелли понимает и другую важную сторону перевода: передать не *что* Татьяна говорит, а *как* она это говорит. Как упоминалось ранее, смысл «приговора» [8] Татьяны Габбриелли раскрывает во вступительной части.

Резолюция «не *что*, а *как*», по мнению автора перевода, должна относиться ко всему пониманию романа А. С. Пушкина. Во вступительной статье Габбриелли поставил вопрос, напоминая читателю о важности прочтения произведения А. С. Пушкина: «Почему мы так уверены, что поэту интересно рассказать историю более или менее несчастной любви?» [8]. Ответ Габбриелли заключает больше, чем обычное прочтение уникального во всей мировой литературе романа. Особенными являются и «впечатления, ощущения (зрительные, слуховые, обонятельные), которые навсегда закрепляются в памяти» [8].

Тем не менее перевод Фернандо Габбриелли имеет некоторые семантические отличия, которые, на первый взгляд, упускают глубину пушкинских значений образов. Здесь уместно процитировать исследователя пушкинского творчества В. С. Непомнящего, который провозглашал многогранность пушкинского гения и важность его постижения в целостности: «Произведение Пушкина всегда отсылает к другим произведениям, ближним и дальним, часто – ко всему контексту творчества, которое также процессуально, как и пушкинское стихотворение; внеконтекстное, в названном смысле, рассмотрение произведения Пушкина бывает порой в известных отношениях так же рискованно, как и внеконтекстное цитирование» [4, с. 63]. Для выражения образа «судьбы» в переводе романа Габбриелли использует разные варианты слов и словосочетаний. Первый раз образ судьбы, относящийся к Онегину в строчке «судьба Евгения хранила» (ЕО; 1, III), выражается в итальянской рецепции словосочетанием «*una buona stella* (счастливая звезда)» [8]. Судьба в пушкинском мире чаще имеет характеристику негативную: мрачная, бессмысленная, безжалостная, всесокрушающая, неотвратимая, слепая. Далее в тексте перевода автор будет использовать слово «*destino*» [8], которое идентично отечественному пониманию – судьба, участь, доля, рок. Невозможность дословной передачи на итальянский язык выражения «судьба хранила», вероятно, и вытекает в словосочетание «*una buona stella*» [8]. Случайно или неслучайно, упуская значимость пушкинского образа «судьбы», тем не менее Габбриелли поддерживает акцент *безопасности* Евгения в руках «счастливой звезды» [8].

Для раскрытия смысла пушкинского стиха Фернандо Габбриелли обращает внимание и на интонационную оформленность перевода. Интересным является факт, что пунктуация в переводе иногда отличается от текста оригинала, и причина, порой, не в различных особенностях пунктуационной системы русского и итальянского языков. Например, строку «мой дядя самых честных правил» (ЕО; 1, I) Габбриелли заканчивает восклицательным знаком: «*Quel sant'uomo di mio zio!*» [8], в отличие от пушкинской «запятой», таким образом подчеркивая ироничность фразы, по всей вероятности, не знакомой итальянскому читателю: для нее также будет дан комментарий, поясняющий о связи с басней Крылова.

Роман в стихах «Евгений Онегин» в переводе Фернандо Габбриелли представлен читателю одновременно с текстом оригинала на русском языке. В романе имеются комментарии, в одном из которых Фернандо Габбриелли признается, что «цитаты на иностранных языках обычно не переводятся, я так и не

понял почему» [8]. Сам же автор противоречит этому правилу и дает пояснение иностранным словам в тексте, что является хорошей возможностью максимально приблизить итальянского читателя к пониманию художественного произведения.

Перевод романа А. С. Пушкина в исполнении Фернандо Габбриелли выполнен под знаком «не предать» (согласно итальянской поговорке «переводчик – предатель»). Однако сам автор не исключает возможных неточностей, заявляя, что человек «в этом мире никогда ничем не будет доволен полностью» [8]. Безусловным остается факт наличия погрешностей перевода, но бесспорна и масштабность работы, проделанной Фернандо Габбриелли.

Фернандо Габбриелли открывает вступительную статью вопросом, волнующим не только самого автора перевода романа и исследователя пушкинского творчества, но и читателя: «Для чего нужна новая версия «Онегина», спустя тридцать лет после поэтического перевода Джованни Джудичи и спустя двадцать лет после прозаического перевода Эридано Баццарелли?» [8]. Справедливо отмечено Н. А. Тик, что «процесс проникновения «Евгения Онегина» в итальянскую литературу и культуру – процесс сложный, противоречивый, не прекращающийся до сих пор» [6, с. 29].

Таким образом, проблема «постижения и переводимости» [4, с. 323] А. С. Пушкина открывает новые направления исследований, а перевод романа в исполнении Фернандо Габбриелли является их неотъемлемой материальной частью.

Литература

1. Алексеев, М. П. Пушкин и мировая литература / М. П. Алексеев // Разноязычный «Евгений Онегин» / М. П. Алексеев. – Л. : Наука, 1987. – С. 351–361.
2. Левин, Ю. Д. Проблема переводной множественности / Ю. Д. Левин // Литература и перевод: проблемы теории / Ю. Д. Левин. – М. : Прогресс, 1992. – С. 213–223
3. Нейштадт, В. И. Пушкин в мировой литературе / В. И. Нейштадт // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина 1837–1937 : тр. Пушкинской сес. Акад. наук СССР / отв. ред. акад. А. М. Деборин – М. : Академия наук СССР, 1938. – С. 229–280.
4. Непомнящий, В. С. Пушкин. Русская картина мира / В. С. Непомнящий. – М. : Книж. клуб Книговек, 2019. – 688 с.
5. Тик, Н. А. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в переводах Э. Ло Гатто / Н. А. Тик // Вестн. Томс. гос. ун-та. – 2019. – № 441. – С. 62–67.
6. Тик, Н. А. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в итальянской рецепции: к постановке проблемы / Н. А. Тик // Вестн. Томс. гос. ун-та. – 2015. – № 396. – С. 27–31.
7. Чуковский, К. И. Собрание сочинений : в 15 т. / сост.: Е. Чуковской, П. Крючкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Агентство ФТМ, Лтд, 2012. – Т. 3 : Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей. – 640 с.
8. Gabbrielli, F. Aleksandr Pushkin «Eugenio Onegin» [Electronic resource] / F. Gabbrielli // Docsity. – Mode of access: <https://www.docsity.com/it/aleksandr-pushkin-eugenio-onegin/-598699/>. – Date of access: 06.10.2020.
9. Gabbrielli, F. Tradisci o traduci [Electronic resource] / F. Gabbrielli // Compagnosegreto – Mode of access: <https://www.compagnosegreto.it/NUMERO8/matta2.htm>. – Date of access: 06.10.2020.

Н. Л. Сержант (Беларусь)

ДОСТОЕВСКИЙ И ПОКОЛЕНИЕ БИТ В ПОСЛЕВОЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ РОМАНЕ

Одним из важных разделов компаративистики является исследование взаимодействия разных национальных литератур не только на уровне сопос-